

Соб. мемуары. - Рига. - 1990. - 12 дек. - с. 4-5

Медленно перекрестил жену. Она - меня. Замаялись гебисты.

- Береги детей.

И - уже не оглядываясь, и - по лестнице, не замечая ступеней. Как и надо ждаться: за парадной дверью - впритык (на тротуар налези) легковая (чтобы меньше шага пройти мне по открытому месту, иностранные корреспонденты только-только ушли), и, конечно, дверца раскрыта, как у них всегда, для заталкивания, даже на европейских улицах. Него ж теперь сопротивляться, уже сдвинулся, теперь сажусь на середину заднего сиденья. Двое с двух сторон вскочили, дверцы хлопнули, а шофер и штурман и без того сидели, - поехали. В шоферское зеркальце вижу - за нами пошла вторая, тоже полная. Четверо со мной, четверо там, значит - всех восьмерых увел, порядок? (Не сразу понял: шофер и штурман, да кажется и охранники по бокам - все новые, где те мои восемь?) Сколько тут ехать, тут и ехать нечего, через задние ворота ближе бы пешком. Сейчас на Пушкинскую, по Пушкинской вниз машины не ходят, значит объехать по Петровке. Вот и Страстной бульвар. Вчера обсуждали: а если что - так как?

Вчера еще морозец не вовсе сдал, а сейчас слякоть, метется по стеклу протиратель, - и вижу, что мы занимаем левый ряд: поворачивать не вниз, к прокуратуре, а наверх - к Садовому кольцу. - Ах, во-от что... - говорю. (Как будто другого чего ожидал. В тюрьму - не все ли равно в какую? Это я по обоженности промахнулся. Но вот уже - и охлажден, одним этим левым поворотом у Петровских ворот.) Шапку - снял (оба вздрогнули), на колени положил. Опускается, возвращается спокойствие. Как сам написал, о прошлом своем аресте.

На тело мне, на кости мне Спускается спокойствие, Спокойствие ведомых под обух.

Двумя пальцами потянуло зачем-то обязательно пощупать около гортани, как бы помассировать. Справа конвоир напряженно, быстро:

- Опустите руку!

Я - с возвращенной благословенной медленностью:

- Права знаю. Колющим-режущим не пользуюсь.

Массирую. Очень помогает почему-то. Опять правый (левый молчит, из разбойников обочь один всегда злей):

- Опустите руку! - (Похоже, что задущусь?)

Массирую:

- Права знаю.

По Садовому кольцу - направо. Наверно - в Лефортово. До-полним коллекцию: на свиданиях бывал там, а в камерах не сидел.

И вот как просто кончается: бодался-бодался теленок с дубом, стоял-стоял лилипут против

Левиафана, шумела всемирная пресса: "Единственный русский, кого власти боятся!.. Подрывает марксизм - и ходит по центру Москвы свободно!" А всего-то понадобилось две легковых, восемь человек, и то с избытком прочности.

Спокойствие вернулось ко мне - и я совершил вторую ошибку: я абсолютно поверил в арест. Не ждал я от них такой решительности, такого риска, ставил их ниже, - но что ж? крепки, приходится признать. Каресту я готовился всегда, не диво, пойдем на развязку (...)

Лефортовские знакомые подступы. (На самом взлете, кандидатом на ленинскую премию, приходил я сюда изучить Лефортово-снаружи, никогда не помещает.) Знакомые раздвижные ворота, двор, галерея кабинетов, где у нас бывали свидания (с шашки Марфино). Пока доехали - уже темновато, фонарей на двор не хватает, какие-то офицеры уже стоят, меня ждут. Да без лишней скромности: не совсем рядовой момент в истории Лефортова, не удивлюсь, если тут и по цеккистской линии кто-нибудь дежурит, наблюдает. Ну как же, столько гавкал, столько грозил - а схвачен. Как Пугачев при Екатерине - вот он, у нас, наконец!

Распоряжаются, как в бою: куда машине точно стать, обсыпали круговой цепочкой человек десять, перебегают, какие дверцы в машине открыть, какие нет, в каком порядке выходить. Я - сижу спокойно, пока мягко, тепло, а лучше не будет. "Выходите!" - в сторону тюремных ступенек:

И, нисколько вперед не обдумав, вот сразу тут родилось, как бы мне выйти пооскорбительней, подосадней для них? Мешочек мой - для галаш, темный, на длинной поворотке, как на вешалках они свисают, - я перекинул через спину - и получилась нищего сумка. Выбрался из машины не торопясь и пошел в тюрьму - несколько шагов до ступенек, по ступенькам, потом по площадке - в потертой шапке-кубанке, в тулупчике казахстанском покроя пастушьего ("оделся как на рыбалку", скажет потом Маляров, метко), - пошел хозяйской развалкой, обремененный сумою с набранной милостью - как будто к себе в конуру, и будто их нет никого вокруг.

А кабинеты следовательские куда-то переведены, и здесь теперь у них шмональные боксы: все в камне, голый стол, голых две скамьи, лампочка сверху убогая. Два каких-то затруханных мусорных мужичка на скамье сидели, я думал - эски (потом оказалось - понятия из соседнего ЖЭКа! ведь вот законность!). Сел и я, на другую скамью, положил мешочек рядом.

Нет не думал. Честно говоря - не ждал.

Решились...

Мы печатаем отрывок
из знаменитой книги
Александра Солженицына
"Бодался теленок с дубом",
которая полностью будет
опубликована в "Новом мире"
в конце нынешнего года.
Солженицын описывает
последние дни на Родине.
Вечером 12 февраля 1974 года
за ним пришли.

БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ

(Продолжение следует.)

Рано, сказала лиса в капкане. А знать ночевать.

Тут вошел обыкновенный бойкий шмональщик сероного цвета и бодро предложил мне кидать на стол мои вещи. И этот самый обыкновенный тюремный прием так был прост, понятен, даже честен, без обмана, что я незатрудненно ему подчинился: порядок есть порядок, мы под ним выросли, ну как же тюрьме принять арестанта без входного шмона, это все равно как обедать сесть без ложки или рук не помыв. Так отдавал я ему свою шапку, тулупчик, рубаху, брюки, ожидая встречно по-честному, тут же получать их и назад (для помощи приспел и еще детина, рубчики перещупывать, но не строго шупали, я бы сказал). Шмональщик меня и не торопил догола раздеваться - посидите пока так. И тут вошел наблещенный висломаящий полковник с сединой.

Когда я рисовал себе будущую свою тюремную посадку - уже теперешний я, со всей моей отвоёванной силой и значением, я твердо знал, что не только

как глаза защитить, да как уши. А сейчас я вот лишился этого почти всего, и вот уже изрядно пылает часть головы от давления, и начни я еще и по мелочам принцип давить перед тюремным начальством - ничего легче карцер схватить, холод, голод, сырость, радикулит, и пошло, пошло, - 55 лет, не тот я уже, 27-летний, кровь с молоком, фронтовик, в первой камере спрошенный: с какого курорта? И так ошутил я сейчас, что на два фронта - и против следствия, и против тюремного начальства, может мне сил не хватить. И, пожалуй, разумней все силы побережечь на первый, а на втором сразу уступить, шут с ними.

И вот вышел наблещенный хитроватый седой полковник, с сопровождением. И спросил - самоуверенно, хотя и мягко:

- Почему не встаете? Я начальник Лефортовского изолятора, полковник Комаров!

Раньше всяко я эти картины воображал, но сразу в камере (да прежде камеры начальство не приходит к арестанту). Вот, сижу на кровати и предлагаю: "А вы

что? Но я же знаю, что это - со всех, я же знаю, что это - просто порядок. Ответил. (Слом продолжается?) Врач, типичная тюремная баба. Какие жалобы? Никаких. (Неужели объявлю вам - давление?) Ничего, стетоскопом, дышите, не дышите, повернитесь, разведите руки. Не подчинитесь медосмотру, откажется? Вроде глупо. А тем временем шмон подходит к концу, тоже: разведите руки! (Я же - подчинился началу шмона, чего ж теперь?) Повернитесь, присядьте... Правильно сказано: не постой за волосок - бороды не станет. Но вот странно, выпадет из обихая, - еще и другой врач приступает, мужчина, не так чтоб интеллектуал, хорек тюремный, но очень бережно, внимательно: разрешите, я тоже вас посмотрю? Пульс, опять стетоскоп. (Ну, думаю, много, не заслушаете, сердце ровное - дай Бог каждому, спокойствие во мне изумительное, в родных пенатах, тут все знакомо, ни от чего не вздрогнешь.) Так достает, мерзавец, прибор для давления: разрешите? Вот именно давление и не разрешить? Открывается моя слабость, кошушь на шкалу, сам по ударам слушаю - 160-170, и это только начало, еще ни одной тюремной ночи не было. Да, не хватит меня надолго. "На давление жалуетесь?" - спрашивает. Уж об этом давлении сколько мы по телефону говорили через гебистов, вполне открыто, о чем другом по телефону? - "Нет, нет".

Но я-то порядку подчинился, а вот они? - барахла моего мне не отдают! Почему? На часы, на крест нательный - квитанция, это как обычно, хотя о кресте поспорил, первый спор. "Мне в камере нужен!" Не отдают: металл! Но вещи мягкие, по рубчикам промятые, без железки запрятанной и без железного крючочка, - почему вещи не отдают?? Ответ: в дезинфекцию. А перечень - пожалуйста, до наглазника самодельного, все указано. Раньше так не бывало. Но, может быть, я от тюремной техники отстал, от чего б теперь и не делать дезинфекции? На полушубок показываю: "Это же не прожаривается!" - "Понимаем, не прожарим". Удивило это меня, но приписал новизне обычаев. Взамен того - грубая-прегрубая майка, остьюми колет бока, это нормально. И черная курточка, тюремно-богаделенная, по охотке не купишь. Но поверх - костюм, настоящий, там хороший-нехороший, я в них никогда не разбирался, и полуботинки (без шнурков), - так наверно так теперь одевают? у нас на шарашке тоже ведь маскарад бывал, в костюмы одевали. Через час-другой все мое вернут. Пошли. Спереди, сзади по вертухаю, с прищелкиванием, коридоры, переходы, разминные будки - это все по-старому. С интересом поглядываю, где ж эта американская система навесных железных коридоров, сколько мне о Лефортово рассказывали, теперь и сам посмотрю. На второй этаж. Не очень-то посмотрели, еще придумали новое: междуэтажные сетки покрыли сероватыми полотнощами, и взгляда через сетки с этажа на этаж не осталось. Какой-то мрачный молчаливый цирк, ночью между спектаклями.

((По телефонным звонкам собралось пятеро, во главе с Сахаровым, и пикетировали на Пушкинской перед Генеральной прокуратурой - отчасти демонстрация, отчасти поджидая, не выйду ли я...))

Не упустить номер на камере. Не заметил, как будто нету. Уверен, что шагаю в одиночку, - вступаю: одиночка-то одиночка, по размеру, но - три кровати, двое парней лежат - и курят, все задымлено. Вот этого никак не ожидал: почему ж не в одиночку? И куренье: когда-то сам тянул, наслаждался, сейчас в 10 минут голова откажет. По лучшей твердой линии - промолчать. По линии слабости - заявляю: "Прошу поместить в одиночку. Мне куренье мешает".

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX ВЕКА